

**Алишер
Таксанов**

**Милиционер
Абдулла-ака**

Алишер Таксанов

Милиционер Абдулла-ака

«Автор»

2026

Таксанов А. А.

Милиционер Абдулла-ака / А. А. Таксанов — «Автор», 2026

Есть на свете такой милиционер по имени Абдулла-ака. Типичный пройдоха, взяточник, лжец, но именно такие нужны в правоохранительных органах.

Абдулла-ака с Дедом Морозом встречался, и с джином из лампы Аладдина, и у президента чемодан с долларами оттяпал, и в загранкомандировку ездил - и везде прославлял свое ремесло и свою гнусную сущность.

© Таксанов А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Как милиционер Абдулла-ака мозги покупал	5
Как милиционер Абдулла-ака занимался социологией	11
Как милиционер Абдулла-ака на разведку ходил	16
Как Абдулла-ака переводил милицию на хозрасчет	22
Литература милиционера Абдуллы-аки	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Алишер Таксанов

Милиционер Абдулла-ака

Как милиционер Абдулла-ака мозги покупал

Жил-был милиционер Абдулла-ака – мужчина в годах, с тяжелой походкой человека, привыкшего, что перед ним расступаются, с лицом широким, как ведомственная печать, и взглядом мутным, но властным, будто он всегда смотрел не на людей, а сквозь них, прикидывая, сколько из каждого можно вытрясти. Форменная фуражка сидела на его голове как корона, живот упирался в ремень, а дубинка была продолжением руки – не инструментом, а органом. Хороший был человек. Все его уважали, а боялись даже больше, чем уважали. Потому что работа у него была опасная и трудная, государству полезная, а главное – доходная.

У метрополитена Абдулла-ака дежурил особенно усердно. Там он высматривал стариков с потерянными взглядами и сумками в клеточку – приехавших к внукам-студентам, привезших домашние лепешки, сушеные абрикосы и остатки советской доверчивости. Он ловко хватал их за рукав, отводил в сторонку и начинал допрос с каменным лицом: почему без регистрации, почему в столице, понимают ли, что это уголовное дело. Голос его звучал спокойно, почти заботливо, но в этом спокойствии слышался подвал. «Сейчас в каталажку отправлю», – сообщал он буднично, как прогноз погоды. Старики бледнели, путались в словах, крестились, вспоминали Аллаха и отдавали все деньги, лишь бы строгий представитель власти их не трогал и позволил доехать до внуков. Абдулла-ака деньги принимал без спешки, аккуратно, словно пенсию.

Зарабатывал он и другим, более тонким ремеслом. За определенную плату быстро и без лишних вопросов организовывал выдачу разрешений на выезд за границу – туда, где мечты и деньги, куда простому человеку путь был закрыт бумажным забором. Он обходил квартиры, проверяя паспортный режим, стучал тяжелым кулаком в двери, входил без приглашения и сразу находил тех, кто жил без прописки. Таких он тряс, как ковры, вытряхивая мзду, объясняя, что закон суров, но он может закрыть глаза – если глаза будут хорошо смазаны. На рынках бизнесмены платили ему дань исправно, как налог природе: без квитанций, но регулярно. Да и сам милиционер не гнушался торговлей – имел несколько точек, где продавал конфискованные вещи, которые по странному совпадению никогда не возвращались владельцам. Иногда, для поддержания имиджа, ему удавалось задерживать настоящих преступников, но потом он их отпускал, потому что преступники платили откупные, а откупные, как известно, тоже форма раскаяния.

Особенное рвение к службе Абдулла-ака проявлял на улицах. Он с искренним воодушевлением дубинкой разгонял старушек у сберегательных банков, когда те собирались на несанкционированный митинг и требовали свои пенсии, которые государство обещало, но забыло. Старушки падали, сумки рвались, очки летели в стороны, а Абдулла-ака чувствовал удовлетворение – порядок был наведен. Рабочих, бастовавших из-за многомесячной невыплаты зарплаты, он поливал слезоточивым газом, объясняя, что плакать полезно для глаз. Порой приходилось применять и табельное оружие против тех, кто выходил на улицы и требовал отставки правительства, – не прицельно, но убедительно. Задержанных он иногда доставлял в подвал РУВД, где воздух был густой от страха и сырости, и там пытал их, чтобы те признались, что хотели организовать «цветную бананово-дынную революцию», инспирированную враждебными силами. Короче, хорошо и правильно жил милиционер Абдулла-ака. Как и все сотрудники правоохранительных органов.

А жил Абдулла-ака в одной восточной стране – там, где медресе и минареты, где азан перекрывает шум рынков, где специи висят в воздухе, как обещание, где бойкая торговля не прекращается ни днем ни ночью, где в котлах булькают жирные пловы, шкварчат самсы и сказка легко приобретает реальность, если за нее хорошо заплатить.

Одно было плохо – мозгов у него не было. И часто жена и родственники говорили ему за дастарханом: «Абдулла-ака, вы на таком важном месте работаете, такую хорошую должность занимаете, порядок в стране наводите, много денег приносите, нам на жизнь хватает, а мозгами не располагаете. Не солидно как-то. Нужно ими обзавестись, а то люди мало ли что подумать могут...» Долго отнекивался милиционер, не хотелось ему тратить на это деньги и время, но однажды он все-таки решился. «Эх, ладно, куплю себе мозги», – сказал он себе и пошел в магазин.

– Что вы хотите, уважаемый? – спросил его продавец мозгов, худой, суетливый человек с масляной улыбкой, глазами-бусинками и усами, закрученными так, будто и они торговали, когда Абдулла-ака по-барски заявился в лавку. Милиционеров здесь все хорошо знали: кланялись в ножки, улыбались до боли в скулах и исполняли любое требование представителя власти – а иначе и быть не могло в демократической, гражданской и рыночной стране.

– Мозги нужны, хорошие, импортные, чтобы не стыдно было носить, – сказал милиционер. – Давай-ка, быстро организуй мне демонстрацию товара. Смотри у меня, если туфту подсунешь!..

– Вай, акамило, у меня есть новые, только недавно из-за границы доставили, для вас держал! – радостно воскликнул продавец и вынес яркую, дорогую упаковку, блестящую фольгой, с золотыми буквами и печатями, от которых так и веяло статусом. – Это бараньи мозги, есть даже сертификат качества: они гладкие, без извилин, блестят как шар на солнце. Многие хотели у меня их купить, но я не продавал, знал – они только для важных персон... – и тут он добавил потише: – Говорят, точно такие носит он, наш самый главный в стране...

– А ну-ка, давай попробую их примерить, раз уж «папа» – наш президент! – использует их, то и мне не грех, – сказал Абдулла-ака, деловито закатал рукава, словно собирался чинить водопровод, и ловким движением откинул свою черепную крышку. Та открылась с сухим шелчком, как крышка старого сундука. Внутри было пусто, гулко и немного пыльно, будто в давно не проветриваемом чулане. Продавец, стараясь не дышать слишком громко, вынул из упаковки бараньи мозги – розовые, гладкие, блестящие, скользкие, как кусок свежего сала, – и осторожно, двумя пальцами, начал укладывать их внутрь, прилаживая, утрамбовывая, чуть поворачивая вправо-влево, пока они не легли на дно черепа, как шар в лузу.

– Вай, акамило, мозги словно для вас и были сделаны, так хорошо вошли, словно всегда здесь и были! – изумленно произнес продавец. – Даже смазывать не нужно!

Абдулла-ака открыл рот, чтобы привычно рывкнуть: «Молчи!» – но вместо этого судорожно вдохнул и замер. Глаза его расширились, зрачки заметались, он стал испуганно смотреть по сторонам, прижиматься спиной к стене, словно лавка вдруг превратилась в логово хищников. Из горла вырвался странный, сиплый звук, похожий на жалкое блеяние. Колени подогнулись, руки задрожали. Милиционеру показалось, что весь мир ополчился против него: стены подкрадываются, потолок хочет упасть, прохожие за дверью только и ждут, чтобы схватить его, зарезать и отправить на шашлык. Даже продавец вдруг показался подозрительным: глаза у него блестят слишком ярко, язык шевелится слишком часто, зубы щелкают как у волка. Наверняка людоед. Брррр.

А потом страх сменился другим чувством – тяжелым, горячим, тупым. В груди что-то вспухло, налилось яростью. Захотелось опустить голову, выставить воображаемые рога и кого-нибудь забодать насмерть, да хотя бы этого же продавца, который стоит, улыбается и, кажется, вот-вот заржет. Абдулла-ака заскрипел зубами, замычал, несколько раз мотнул головой, будто примерялся к удару.

С огромным трудом он справился с этим наплывом эмоций, схватился за край прилавка, чтобы не упасть, и прохрипел:

– Вынимай быстрее... пока я тут в штаны не наделал... или не разнес всё к чертям своими несуществующими рогами...

Продавец юрко подскочил, ловко поддел мозги пальцами и так же осторожно вынул их из черепа, положив обратно в коробку. Абдулла-ака захлопнул крышку, вытер лоб рукавом и тяжело задышал, будто только что пробежал стометровку с мешком картошки на плечах.

– Не годится! Принеси другие! – приказал он, сипло, с паузами между словами.

Бараньи мозги словно высосали из него все силы, оставив внутри пустоту и дрожь. А милиционеру, как известно, никогда нельзя быть слабым и нервным: слабого не бояться, а нервного могут и не уважать. Конечно, такие мозги были во вред для представителя правоохранительных органов.

Продавец метнулся на склад и вскоре вернулся с новой коробкой, такой тяжелой, что держал ее обеими руками. Коробка была вся инкрустирована золотыми узорами, сверкала, как сокровищница эмира, и даже пахла дорого – кожей, ладаном и большими деньгами.

– Вот, акамило, ослинны мозги, тоже импортные, хвалят их везде, сами понимаете – дефицит, – прошептал продавец, озираясь по сторонам, будто торговал не мозгами, а государственными тайнами. – Говорят, что министры только носят их, поэтому в нашей стране такой порядок, такие великие успехи и великое будущее! Здесь одна слабая извилина, видите, но это не дефект, просто для красоты нанесли полосу. Сами понимаете, акамило, эти мозги не дешевые...

– Ничего, ничего, деньги у меня есть, и хватит на сотню таких мозгов! Давай, вкручивай в черепок!

Продавец снова откинул крышку и так же без труда вставил ослинны мозги в голову милиционера. Они мягко легли на место, будто родные, будто всегда здесь и находились, ни жали, ни болтались, ни просились наружу.

Абдулла-ака вдруг расплылся в улыбке и довольно заикал. Внутри стало тепло, спокойно и приятно, словно его погладили по голове и пообещали, что все будет хорошо. Захотелось жить, дышать, покупать, владеть. Эти чувства пришли к нему по душе, и он уже решил на покупку.

Но радость оказалась временной. Едва он достал портмоне, как задумчиво почесал за ухом и уставился на купюры. Бумажки выглядели одинаково, цифры путались, смысл ускользал. Он вдруг понял, что разучился считать, не понимает, чем отличается одна купюра от другой, и вообще смутно представляет, кто он такой, что делает в этом магазине и зачем ему всё это нужно. Слово «служба» показалось чужим, слово «закон» – пустым, а слово «взятка» почему-то не вызывало никакого трепета.

Так он не сможет брать взятки, стоять на страже закона, запугивать и доить население.

– Ой, такие мозги мне не нужны! – вскричал он и приказал вынуть их.

Продавец пожал плечами, как человек, привыкший к странностям клиентов, и вскоре вынес еще одну коробку – всю обтянутую дорогой, мягкой кожей, с тисненными гербами и замочком, похожим на пасть крокодила.

– Акамило, есть еще одни, собачьи, их берут нарасхват, особенно мафиозники, финансовые воротилы, киллеры, – сказал продавец, понизив голос. – Думаю, они вам подойдут. Ведь работа у вас, как у борзой, охотничьей и сторожевой собаки: все нужно унюхать, все узнать, напасть на след, поймать, растерзать... Правда, есть пару извилин, но если их не показывать никому, то никто и не узнает и не догадается о существовании таковых...

– Это хорошо, это именно для меня, братишка! – похвалил Абдулла-ака, хлопая себя по пузу, которое отозвалось гулким, сытым бульканьем, словно внутри стоял огромный чан с похлебкой. Он так делал всегда, когда ему что-то нравилось, а нравилось ему многое, осо-

бенно съедобное и доходное. Кстати, в тот момент в его желудке переваривались двадцать килограммов плова, пятнадцать самсы, десять лепешек и десять литров зеленого чая, щедро сдобренного тремя бутылками «арака» – восточной водки. Если от таких мозгов зависит мир, то почему бы хорошему милиционеру их не использовать для блага страны и семьи?

Продавец откинул черепную крышку клиента и вынул из коробки собачьи мозги – серовато-розовые, упругие, с тонкими прожилками, слегка подрагивающие, будто еще живые. Он вставил их быстро и уверенно, провернул чуть влево, чуть вправо, прижал ладонью, и те вошли с сухим, четким щелчком – как дискета в дисковод компьютера.

Тотчас в голове Абдуллы-ака завертелись мысли, быстрые, острые, рваные. Нужно уку-сить этого продавца за горло. Потом выбежать на улицу, помчаться в РУВД и напасть на началь-ника, откусив ему зад. Перегрызть всех сослуживцев, потому что они – конкуренты. Растрепать уголовные дела, потому что в них нет его долины от сделки с преступниками. Разодрать папки, разметать бумаги, пометить углы. Самое главное – напиться кровью тех, кто с плакатами стоит у правительственных зданий, чтобы они пахли страхом и мясом.

Абдулла-ака зарычал, губы у него задрожали, изо рта потекла слюна. С огромным трудом он совладал с собой.

«Ведь с такими мыслями можно и вляпаться в историю, надеть много ненужного шума, – испуганно подумал он. – А вдруг выйду на след шефа, который занимается контра-бандой и торговлей наркотиками, и потом мне голову оторвут за то, что полез куда не следует. А если вынюхаю, что на моем участке публичные дома под “крышей” из президентского аппа-рата, узнаю, кто есть кто, то и за это по голове не погладят... Нужно избавиться от таких моз-гов поскорее».

– Нет, это тоже не то! – рявкнул милиционер, едва продавец извлек собачьи мозги. – Неужели в твоей паршивой лавке нет стоящего товара?.. Ох, и разозлил же ты меня!..

– Извините, акамило, я вам предлагал самые лучшие, – испуганно запищал продавец, аж побледнев, падая на колени и прижимая ладони к груди. – Осталась туфта одна. Мне стыдно их показывать вам...

– Давай, покажи, может, и они сгодятся! – сердито произнес Абдулла-ака. Ему не хоте-лось возвращаться домой без мозгов, потому что жене тогда нечего будет сушить у него. Да и родственники начнут судачить, мол, неудачник какой, даже мозги себе купить не смог, позор семьи и махалли.

Продавец вскочил, поклонился до пола и прямо из витрины достал простенькую коробку – серую, картонную, без золота, без узоров, с облезлой наклейкой, на которой криво было написано: «Акция. Остатки склада».

– Это мозги студента, спрос на него маленький, товар с трудом уходит, – грустно произнес продавец. – И цена у них невысокая, аж неловко порой предлагать кому-нибудь.

Абдулла-ака махнул рукой:

– Ладно, вставляй.

Однако это оказалось не так просто. Студенческие мозги были крупнее всех предыду-щих, пышные, упругие, с густыми, плотно переплетенными извилинами, словно клубок све-жесваренных макарон. Они явно превосходили объем черепной коробки милиционера, упи-рались, выпирали, не желали втискиваться внутрь, будто сами понимали, куда их пытаются засунуть. Продавец пыхтел, тужился, пробовал с разных сторон, вращал мозги, как арбуз, кото-рый не пролезает в узкую дверь, но те упрямо не помещались.

Тогда он взял молоток. Осторожно, потом смелее, потом уже с отчаянием начал под-бивать мозги внутрь, сопровождая процесс нервными поклонами и бормотанием. Череп Абдуллы-ака глухо звенел, как пустой бидон. С третьего десятка ударов мозги, наконец, пода-лись и с чавкающим звуком ушли внутрь. Крышка захлопнулась с треском.

– Ну, как? – с надеждой спросил продавец.

Милиционера охватили странные чувства, ранее ему не ведомые. В голове вдруг стало светло и просторно. Возникло острое, почти болезненное желание открыть книгу, любую, толстую, с мелким шрифтом, чтобы читать до боли в глазах. Захотелось сесть за компьютер, лазить по Интернету, искать научные статьи, узнавать, как устроена Вселенная, как рождаются звезды, почему люди стареют и можно ли это исправить. Ему почудилось, что он способен решать сложнейшие задачи, строить формулы, проводить опыты, смешивать колбы, делать записи в тетрадях, совершить какое-нибудь открытие, важное для человечества. Абдулла-ака внезапно захотел учиться, набираться опыта и знаний, становиться умнее с каждым днем.

Но почти сразу в голове мелькнула другая мысль, тяжелая и привычная: «Но зачем мне это? Мне деньги нужно делать, богатство копить. Если я брошу работу и стану сидеть над книгами, то на что буду жить? Ведь сегодня знания никому не нужны, а диплом я и так купить могу».

Сами понимаете, что он тут же приказал срочно извлечь эту «бомбу».

– Эээ, совсем не то, – прошипел милиционер, хлопнув рукой по столу. – Это вообще опасные мозги. Ими я разорюсь, глупым стану, все смеяться надо мной начнут... Больше ничего нет?

– Ик, ик, – заикался от страха продавец. – Есть еще одни, ик, ик, совсем неходовой товар – мозги профессора, ик, ик, очень дешевые, почти задарма, ик, ик...

– Показывай! – приказал милиционер, сверкая глазами, налитыми злостью, как две перегретые лампочки.

Продавец достал из мешка мозги. Они оказались похожими на живой клубок ниток: извилины переплетались так густо, что казалось, внутри них идет непрерывная буря. Между складками пробегали крошечные молнии, вспыхивали искры, слышалось тихое потрескивание, словно от высоковольтного провода. Эти мозги работали даже без головы.

Всунуть их в череп Абдуллы-ака оказалось делом адским. Целый час бился продавец, потел, краснел, матерясь шепотом. Пришлось пустить в дело молоток и зубило, циркулярную пилу, клещи и даже напильник, потому что возникла необходимость расширить голову под такие громадные, наглые мозги. Череп скрежетал, искры летели, лавка наполнилась запахом жженой кости и отчаяния.

И как только дело было закончено, милиционер схватился за голову.

Бах! Бах! Застучали тревожные мысли. Новые мозги позволили ему внезапно и ясно осознать, что нельзя воровать, брать взятки, прикрывать преступников, вымогать, пытать людей, избивать стариков, стрелять в демонстрантов, злоупотреблять служебным положением.

Абдулла-ака мысленно увидел все статьи Уголовного кодекса, которые он нарушил, хотя раньше никогда не видел этот документ и о его существовании слышал только в кино. Перед глазами пронеслись лица ограбленных стариков, заплаканных рабочих, избитых студентов, униженных женщин. Вместе с этим появились чувства стыда, жгучие угрызения совести, отвращение к себе и презрение к тем чиновникам, которым он служил.

Профессорские мозги хладнокровно проанализировали все вехи его жизни, разложили их по полочкам и указали, где, когда и почему было сделано не так. И пришли к единственному логичному выводу: нужно идти в прокуратуру, во всем признаться, вернуть народу награбленное и начать жить по-человечески...

Конечно, долго терпеть эти муки милиционер не мог. Голова гудела, мысли жалили, как оси, внутри будто работал отбойный молоток, разбивая привычный уютный мрак на острые осколки смысла. Абдулла-ака заскрежетал зубами, дрожащей рукой вытащил из кобуры пистолет, приставил ствол к виску и, даже не закрыв глаза, пятью гулками выстрелами вышиб профессорские мозги из своей головы.

Бах! Куски извилины, искры, дым, клочья серо-розовой массы разлетелись по лавке, облепив стены, потолок и витрины, словно липкая ученая каша. В черепе снова стало пусто, прохладно и тихо – так, как Абдулла-ака любил.

От выстрелов продавец с визгом рухнул на пол и распластался, закрыв голову руками, как коврик у входной двери.

– Вот что! – сказал ему Абдулла-ака, вставая с кресла и засовывая пистолет обратно в кобуру. – К черту мозги. Мне хватает для жизни пистолета и служебного удостоверения – это мое оружие и защита. Лампасы, погоны и красивая форма делают мне жизнь приятной и уважаемой. Голову я буду прикрывать фуражкой, и никто не догадается, что мозгов у меня нет. Потому что в моей работе они вообще не нужны. Не для того я стал сотрудником правоохранительных органов, чтобы лишиться всего нажитого, потерять власть и авторитет... А эти мозги свари, чтобы их никогда не было в твоей лавке!.. Иначе посажу за хранение преступных предметов!..

Он поправил фуражку, одернул китель, расправил плечи и с гордо поднятой головой вышел из магазина.

На улице шумела восточная толпа: торговцы кричали, машины сигналили, пахло жареным мясом, специями и горячим асфальтом. Люди суетились, спешили, толкались, но перед Абдуллой-ака незримо образовывался коридор. Он шагал уверенно, тяжело, как танк, зная, что мир под его сапогами.

В толпе ему встречались коллеги – такие же пузатые, важные, с пустотой под фуражками и дубинками вместо мыслей. Абдулла-ака приветливо улыбался им, кивал, иногда даже жестикулировал по-товарищески. Ведь все они жили без того хлама, что носили в своей голове остальные люди. Без сомнений. Без совести. Без вопросов.

И потому чувствовали себя по-настоящему свободными.

(12.12.2006, Фолкетсвилль)

Как милиционер Абдулла-ака занимался социологией

Милиционер Абдулла-ака был в РУВД самым уважаемым человеком. Ему доверяли разные, порой опасные и особо ответственные задания. Начальство, сами понимаете, любило этого сотрудника – за исполнительность, беспрекословную преданность и умение не задавать лишних вопросов. Коллеги же буквально боготворили его, считая образцом настоящего служаки: жесткого, решительного и абсолютно пустого внутри, как того требовали негласные стандарты профессии.

И однажды его вызвал руководитель управления – подполковник Усербай-ака. Это был сухошавый мужчина с острым, как нож, носом, узкими губами и вечно прищуренными глазами, словно он постоянно целился в невидимого врага. Усы у него были подстрижены по линейке, волосы зачесаны назад с таким количеством бриолина, что голова блестела, как лакированная. Форма сидела без единой складки, погоны сияли, а голос звучал мягко, но в этой мягкости чувствовалась угроза, похожая на шелест змеи перед броском.

Подполковник медленно поднял взгляд от бумаг и заявил:

– Уважаемый Абдулла-ака, вам поручается новое задание. Нужно провести социологический допрос населения на тему, как оно доверяет президенту и верит ли в реформы и в великое будущее. Справитесь?

– Конечно, акамило, – подтянулся милиционер, расправив плечи. – Сейчас же этим и займусь. Допросы – это самая главная часть моей профессии.

Абдулла-ака направился в свой кабинет.

Кабинет был просторный, но мрачный. Окна задернуты пыльными шторами, чтобы солнечный свет не мешал служебной тьме. В центре стоял тяжелый стол, весь в царапинах, с пятнами от чая и неизвестных жидкостей. На стене висел портрет президента с доброй, почти отеческой улыбкой, а рядом – пожелтевший плакат с надписью «Служу народу». В углу стоял металлический шкаф, из которого доносился запах старых бумаг, плесени и человеческого отчаяния. На подоконнике – засохший кактус, который никто не поливал, но который почему-то все еще жил.

Конечно, Абдулла-ака не собирался ходить по квартирам или стоять на улице, останавливая прохожих, чтобы задавать им вопросы и заносить ответы в анкеты. Это было бы слишком долго и утомительно. Он поступил проще и, по-своему, гораздо эффективнее.

Милиционер стал писать всем жителям города повестки с требованием явиться на социологический допрос в качестве пока свидетелей, а там видно будет, какой статус им придать. В каждой повестке крупными буквами приписывал об ужасной ответственности за неявку в милицию, о возможном уголовном деле и даче ложных показаний, даже если человек еще ничего не сказал. Чернила он специально делал пожирнее, чтобы буквы выглядели зловеще.

Уже через десять минут перед ним стоял первый респондент – старик из местной махалли.

Это был худой, сторбленный человек в выцветшем халате, с белой бородкой, дрожащими руками и глазами, в которых давно поселился страх. На голове у него сидела потертая тюбетейка, а в руках он мял свою старую шапку, словно собирался выжать из нее смелость.

– Вы вызывали меня, гражданин следователь? – испуганно спросил он, озираясь. Ходить в милицию – это почти посадить себя в тюрьму.

На него смотрели два злобных глаза, над которыми была милицейская кепка с кокардой.

– Конечно, мерзавец! Почему опоздал? – грозно начал Абдулла-ака. – Только за это я вправе посадить тебя на пятнадцать суток в тюрьму.

– Извините, уважаемый, но я только что получил повестку! – испуганно проблеял руководитель махаллинского комитета, поеживаясь и прижимая к груди измятую бумажку.

– Надо было прийти до получения повестки! Или вообще каждый день приходить в милицию и интересоваться: есть ли повестка? – зло произнес милиционер, недовольный недостаточным проявлением уважения к карательно-репрессивному органу страны со стороны гражданских.

Он смерил старика тяжелым взглядом, остановившись на его седой бороде, торчавшей ключьями, как сухой кустарник на пустыре. В голове Абдуллы-ака сразу всплыл пункт из инструкции, заученный наизусть: бороду носят ваххабиты, ваххабит – террорист, террорист – в него надо стрелять. Логическая цепочка была железобетонной, как стены РУВД, и сомнения в ней не предусматривались. Старик автоматически перешел в категорию подозрительных элементов.

– Итак, мой первый вопрос: доверяете ли вы президенту республики? – насупив брови, поинтересовался Абдулла-ака. – Отвечайте быстро и честно. Помните, что раскаяние и содействие следствию облегчает наказание, но не уменьшает срок тюремного заключения...

– Эээ, даже не знаю, – растерянно ответил старик, нервно облизывая пересохшие губы.

Абдулла-ака понял, что слишком либеральничает, и потому решил действовать строго по внутриведомственным инструкциям. Он молниеносно защелкнул на руках старика наручники, дернул его к себе, нацепил на голову противогаз и зажал резиновый шланг ладонью. Лицо старика мгновенно покраснело, глаза полезли на лоб, жилы на шее вздулись, как веревки. Он задержался, захрипел, стал беспомощно мотать головой.

– Так, я жду! – заорал милиционер прямо в ухо респонденту.

– Да-да, доверяю! – еле выдавил тот сквозь удушье.

– Хотите, чтобы президент баллотировался на третий срок? – последовал очередной вопрос.

– Я не могу дышать, сынок... – с трудом простонал старик, цепляясь пальцами за стол, словно за последнюю опору в жизни.

Но Абдуллу-ака это мало интересовало. Он резко ударил старика кулаком в область печени. Тот согнулся пополам, издал глухой стон и рухнул на колени.

– Отвечай, собака, хочешь или нет? – продолжал вести социологический допрос милиционер.

Старик повалился на пол. Абдулла-ака, разъяренный тем, что процесс идет недостаточно быстро, начал пинать его ногами – в ребра, в спину, в живот. Сапоги глухо бухали о немощное тело, словно кто-то колотил по мешку с костями.

Он успокоился лишь тогда, когда обнаружил, что старик больше не дергается и не издает ни звука.

Тогда Абдулла-ака вызвал подчиненных и приказал труп вынести в морг, который находился в подвале.

А затем пригласил следующего респондента.

В кабинет вошла женщина зрелого возраста – полная, с красным лицом, в цветастом халате и платке, повязанном кое-как. Под глазами у нее темнели мешки, губы дрожали, а в руке она сжимала повестку так, будто та могла взорваться.

– Вы знаете, почему вас вызвали?

– Нет... – прошептала она.

– Вам доверена большая честь: отвечать на вопросы социологического допроса. Они составлены на статьях Уголовного кодекса. Поэтому помните об ответственности за ответы. Итак, вы хотите, чтобы президент баллотировался на третий срок?

– Вай, а президент уже получил срок? Он сидит? Радость-то какая! – обрадовалась женщина, расплывшись в широкой улыбке и захлопав в ладоши. – Так его, гада, давно пора было привлечь к ответственности за то, что он натворил в стране!

Увидев вопиющую неpolitкорректность респондента, милиционер рассвирепел. Лицо его налилось багровой краской, ноздри раздулись, губы перекосились, а в глазах вспыхнула такая злоба, будто перед ним стоял не человек, а личный враг государства. Он схватил резиновую дубинку и с размаху обрушил ее на женщину. Удар пришелся по плечу, затем по голове, потом еще и еще – тяжелые, глухие хлопки разносились по кабинету, словно били по мокрому мешку с мясом. Женщина вскрикнула лишь раз, захрипела и, закатив глаза, рухнула на пол без движения.

Помощники Абдуллы-ака, давно привыкшие к таким делам, даже не переглянулись. Двое молча подхватили тело под руки и за ноги, оставляя на полу размазанные кровавые следы, и потащили в сторону двери. Халат женщины задрался, тапки слетели, голова безвольно болталась, ударяясь о порог. Через несколько секунд тело исчезло в темном коридоре, ведущем в подвал.

Третьим был студент политехнического института – худой, высокий, с узкими плечами, в потертом пиджачке и с толстыми очками на носу. В руках он держал потрепанную тетрадь, словно собирался сдавать экзамен, а не участвовать в допросе. Лицо у него было бледное, но взгляд – прямой и упрямый.

Абдулла-ака не любил людей в очках. Такие обычно были в сто раз умнее его самого, а умники всегда вызывали гнев и подозрение со стороны милиции. Почему-то считалось, что именно эти нигилисты-ученые мечтают устроить цветную революцию, подорвать устои государства и лишить честных сотрудников их стабильного дохода. С такими в милиции не церемонились.

– Как вы относитесь к реформам в сфере экономики? – спросил Абдулла-ака, лениво постукивая пистолетом по столу. Металл глухо звякал, будто отсчитывал последние секунды жизни респондента.

Но студент не испугался.

– Плохо, – сказал он, смело глядя в лицо садисту-следователю. – Нет никаких реформ нигде. Одна коррупция и теневая экономика.

– Ответ неправильный! – заорал Абдулла-ака. – За это я отнимаю у тебя несколько «очков»!

Прогремели выстрелы. Студент дернулся, на рубашке расплылись темные пятна, тело содрогнулось и медленно осело на пол. Он еще на мгновение попытался вдохнуть, но воздух уже не пришел.

Только уже остекленевшие глаза не видели, как его тело волокли в морг РУВД и бросили поверх других трупов, словно старый, никому не нужный хлам.

Через минуту в кабинет вошла старушка – маленькая, сгорбленная, в поношенном пальтишке и стоптанных башмаках. Седые волосы выбивались из-под платка, руки дрожали.

Она с изумлением смотрела на окровавленный пол, на вмятины от пуль в стене и на дымящийся пистолет в руке милиционера. Ее рот приоткрылся, а глаза наполнились слезами.

– Это последствия того, что некоторые люди неправильно отвечают на вопросы, опажон! – пояснил Абдулла-ака. – Вот вы, например, как считаете, реформы в стране идут?

– Ох и не знаю, сынок, – залепетала старушка. – Пенсию давно не выдают. Мой муж работает на заводе, а его зарплату уже год как не видим. Сын открыл ферму, и через неделю разорился, так как налоговая потребовала оплату налогов с 1917 года, банк потребовал проценты за невыданный кредит, местный губернатор отнял весь урожай хлеба. Милиция постоянно разоряла его своей продразверсткой...

– Значит, реформ не существует? – процедил Абдулла-ака, медленно поднимаясь со стула. – Хорошо, сейчас посмотрим, что вы скажете на это.

Он вытащил из кармана баллончик и без колебаний брызнул женщине прямо в глаза слезоточивым газом.

Та истошно завопила, схватилась за лицо, стала метаться по кабинету, натываясь на стены и мебель, кашляя, задыхаясь, захлебываясь собственными слезами и соплями. Ее голос перешел в визг, а затем в хриплое бульканье.

Милиционер радостно захохотал, как ребенок, получивший новую игрушку, и стал хлестать ее нагайкой. Удары ложились по спине, по бокам, по ногам, ремни свистели в воздухе, оставляя на теле синие и багровые полосы.

Женщине повезло – она не умерла. Потеряв сознание, она рухнула на пол, и санитары увезли ее в больницу, где ей зашивали рассеченную кожу, промывали глаза и молча удивлялись, как вообще можно выжить после такого «опроса».

Пятым был предприниматель – круглолицый, аккуратно подстриженный мужчина в недорогом, но чистом костюме. От него пахло дешевым одеколоном и вечным страхом. Руки он держал сложенными перед собой, плечи были опущены, взгляд – почтительный и скользкий. Он знал, как следует себя вести в милиции.

– Реформы, говорите? Ооо, они идут полным ходом, – сказал предприниматель. – И эти реформы никому не остановить...

Ответ понравился милиционеру. Он довольно хмыкнул, откинулся в кресле и медленно покачал головой, словно слушал приятную музыку.

– А как у нас с демократией? – последовал очередной вопрос.

– Тоже хорошо. К примеру, вот вы, уважаемый, снизошли до разговора со мной, червем ничтожным, – поклонился предприниматель и, словно по привычке, тихо засунул в карман Абдулле-ака пухлую пачку денег.

– Правильный ответ. А веришь ты в будущее страны?

– Конечно, в наше светлое будущее я верил всегда, а когда на трон взошел наш любимый Боши, то понял, что будущее светит всем, просто статьи и сроки будут разные...

Абдулла-ака улыбался, слушая правильные ответы в рамках социологического допроса. Улыбка его была широкой, сыто-доброй и совершенно искренней.

– А что у нас с правами человека?

– Так у вас, дорогой начальник, все права, а у нас – обязанности. Так что все чин чинарем...

Абдулла-ака аккуратно записал ответы предпринимателя, поставил несколько галочек, после чего выписал расписку о невыезде и неразглашении государственной тайны, сунул ее тому в руки и отпустил с миром.

Целых два дня работал Абдулла-ака над заданием начальства, и на третий день на стол Усербая-ака лег подробный отчет по социологическому допросу. В папке были таблицы, расчеты, диаграммы, круговые графики, стрелочки, проценты и жирные выводы, выделенные красным фломастером.

– Это ответы тех, кто сотрудничал со следствием, – пояснил милиционер. – Видите, все сто процентов опрошенных любят президента и хотят, чтобы он был у власти еще как минимум пятьдесят лет. Реформы у нас успешные, материальное благополучие растет, независимость страны стала еще независимее.

– А те, кто неправильно отвечал?

– Они, как обычно, лежат в морге. Правда, он переполнился, пришлось трупы везти в соседний район.

– Сегодня же проведите следствие, по результатам которого все эти трупы спишите на действия террористической организации, которая начинает войну с народом, – приказал начальник. – А вас я представлю к очередной награде.

На следующий день социологические результаты были опубликованы в газетах «Народное счастье», «Правда против лжи на Востоке», «Голос республики», «Новости из республики», «Биржевой вестник Азии» и других.

В них журналисты взахлеб писали, как люди безмерно любят своего фюрера, как верят в реформы и как никакие силы не заставят народ уйти от выбранного курса. Благодаря таким социологам, как Абдулла-ака из РУВД, весь мир знал: народ республики счастлив, свободен и ни от кого на планете не зависит.

(2 января 2007 года, Фолкетсвилль)

Как милиционер Абдулла-ака на разведку ходил

Работал в РУВД доблестный милиционер Абдулла-ака. Был он грозой нерадивым ученикам, которые сбегали с уроков, потому что не желали учить наизусть мудрые книги великого Главнокомандующего-фюрера, и нечестным бизнесменам – тем, что не платили налоги на содержание милиции, уклонялись от душеспасительных бесед с человеком в форме и пистолетом, прятались от воспитательных ударов резиновой дубинкой и забывали приносить благодарственные конверты. Абдулла-ака умел напоминать таким заблудшим душам, что закон – это он сам, а справедливость измеряется толщиной пачки купюр и степенью покорности.

Особенно его боялись женщины неприглядного поведения, известные склокой в местной администрации, где они зачем-то требовали от власти соблюдения прав и свобод человека, выплат пенсий и пособий. Еще больше дрожали старички, которые смели прибывать в столицу без регистрации и не давали на штраф, а это, как известно, каралось пожизненным заключением с возможностью продления. К таким правонарушителям Абдулла-ака был всегда строг, иногда, может быть, и жесток – так ведь все для закона и справедливости, иначе нельзя.

И поэтому начальство всегда поручало ему самые ответственные задания. Вот и сегодня подполковник Усербай-ака вызвал к себе бравого милиционера.

Войдя в кабинет шефа, Абдулла-ака сразу понял, что руководство не в духе. На диване не было девочек легкого поведения, которых обычно поставлял отдел нравов для поддержания рабочей атмосферы. На столе отсутствовал коньяк «Наполеон», которым регулярно снабжал отдел борьбы с экономическими преступлениями. Не было и флаконов духов, дезодорантов, коробок конфет и аккуратных свертков с деньгами, предназначенных для столика подношений. Кабинет казался голым, холодным и каким-то сиротливым, словно в нем давно никто не радовался жизни.

Усербай-ака был злой, грустный и печальный одновременно. Его лицо осунулось, глаза покраснели, под ними залегли темные круги, а усы поникли, будто тоже переживали тяжелые времена. Он сидел, уставившись в одну точку, и медленно вертел в пальцах пустую ручку.

Абдулла-ака даже посочувствовал ему: как-никак подполковник был его наставником, учителем и просто начальником.

Не предложив пиалки водки и горячей самсы, как бывало раньше, Усербай-ака начал тяжелый разговор:

– Плохи дела у нашего РУВД. По всем показателям мы отстаем от других районных инстанций. Налоговики перевыполнили план по изъятию налогов у бизнесменов и пенсионеров на сто пятьдесят шесть процентов. Таможенники сдали государству и положили в свой карман дохода в три с половиной раза больше, чем за отчетный период прошлого года. Даже электрики и санэпидемстанции впереди нас по полученной от народа прибыли.

Абдулла-ака был конкретен:

– В чем провал-то? Я сам лично приношу в РУВД каждый день доход с трехпроцентным ростом. И другие тоже стараются. Неужели мы не можем войти в пятерку лидеров?

– По этим показателям мы переплюнули многих, одна статья «возмещение экономического ущерба государству» со стороны непорядочных элементов приносит нам в бюджет огромные суммы, – махнул рукой Усербай-ака. – Но ведь мы – милиция. У нас есть и другие задачи.

Абдулла-ака удивленно вскинул брови:

– Например?

– Например, бороться с преступностью.

Что-то, а Абдулла-ака этого не знал. Он вообще считал, что с преступниками обязаны бороться врачи и сантехники, в худшем случае – строители. Врачи, потому что лечат, сантех-

ники, потому что прочищают засоры, а строители, потому что умеют заделывать трещины. А милиционерам, по его твердому убеждению, положено совсем другое: собирать дань с народа, следить, чтобы никто не уклонялся от добровольно-принудительных пожертвований, и пытаться, и варить в чае тех, кто не желает делиться с милицией своей собственной собственностью и имуществом. Именно в этом Абдулла-ака видел высший смысл службы.

И потому новость о том, что милиции, оказывается, еще и с преступностью нужно бороться, неприятно поразила его, словно дубиной по затылку. Внутри у него что-то обидно сжалось, мир на мгновение перекосялся, показался неправильным, несправедливым, перевернутым вверх тормашками.

– Да, да, я понимаю, Абдулла-ака, что это неприятная новость, – вздохнул начальник. – Я и сам сегодня был поражен этим, когда министр заявил на коллегии о наших провалах в борьбе с преступностью.

– А в чем мы провалились? – чувствуя обиду за несправедливое отношение к работе всего РУВД, за честь мундира, за собственный авторитет, спросил Абдулла-ака. Его голос дрогнул, в нем зазвенело оскорбленное достоинство.

– В борьбе с организаторами пловно-дыннй революции!

– О боже! – вскрикнул милиционер.

Он часто слышал об этой страшной угрозе, что якобы исходила из-за рубежа. Именно там, на коварном Западе, готовились планы по устранению Главнокомандующего-фюрера от власти, которого народ, как всем известно, призвал быть вечным на посту главы государства. Говорили, что подрывные силы хотят внедрить в республике радикальный демократизм и демократический фундаментализм, чтобы люди знали – ужас какой! – свои права и умели требовать соблюдения свобод.

От одной этой мысли у Абдуллы-ака похолодели ладони. Да кто такое потерпит?! Действительно, это страшнейшие преступления против стабильности и тишины. Не зря в последнее время были депортированы все иностранные гуманитарные миссии, которые, без сомнений, занимались шпионажем, свержением власти и вредительством.

– Я тоже был в шоке! Хотя у нас сорвались две операции... Об этом мало кто знал из вас. Потому что задания были секретными. Но вам, Абдулла-ака, я скажу, – тут Усербай-ака посмотрел по сторонам, боясь, что их кто-то может подслушивать, и перешел на шепот: – Вначале в Западную Европу отправили Гулю-майоршу, ну ту, что из паспортного отдела. Она устроилась в стриптиз-бар и должна была внедриться в местную правозащитную среду. Но ее раскусили. Потому что, как оказалось, у нее на одной груди есть татуировка герба нашего государства, на другой – портрет Главнокомандующего-фюрера, а пониже спины наколки текста – все статьи и главы Уголовного кодекса. Представляете, что произошло, когда Гуля-майорша под музыку стала раздеваться?..

Милиционеры мысленно представили эту картину: жирные складки, перекатывающиеся волнами, блестящую от пота кожу, колышущиеся груди с государственным гербом и суровым ликом фюрера, и между всем этим – торжественно мерцающие строки уголовных статей.

Да, было неприятно. Особенно учитывая жирные тела Гули-майорши.

– Как же вы это не углядели? – укоризненно сказал Абдулла-ака, покачав головой, словно старший родственник, уставший от чужих глупостей.

– Да когда принимал на работу, ее тело было чисто, без всяких там излишеств, а потом... в темноте же не увидишь эти наколки, – стал оправдываться Усербай-ака, нервно теребя пуговицу на мундире и отводя глаза в сторону. Лоб его покрылся испариной, усы дрожали, словно у провинившегося кота, пойманного на краже сметаны. – Но это не страшно. Потом на разведку ушел Гулям-ака, что был начальником Гули-майорши. Ох, и тут прокол произошел...

Гулям-ака был человеком солидным: низкий, коренастый, с квадратной головой, мощной шеей и животом, нависающим над ремнем, словно отдельный государственный орган. Лицо

его украшали густые усы, в которых постоянно застревают крошки самсы. Глаза маленькие, прищуренные, всегда высматривали потенциальную выгоду. В паспортном отделе он считался великим мастером по выдаче справок, разрешений, удостоверений и прочих бумажек, без которых человек в стране считался почти мертвым.

– Что? Все тело тоже в наколках? – испуганно спросил милиционер. – Неужели прочитали присягу на верность Главнокомандующему-фюреру на его спине?

– Нет, все иначе. Его тоже как гастарбайтера отправили на Запад, а он, оказывается, трудиться не умеет, хотя попал на стройку. Не только цемент замесить и кирпичи уложить, даже не понимает, что такое стамеска или рубанок, как доски подогнать, циклевать полы или красить стены. Несколько дней его прощали за такие промахи, думали, что это он потерял ориентацию от незнакомого образа жизни и климата. Но наш-то Гулям-ака – человек сообразительный, сразу увидел прибыльную стезю. Он стал налево продавать стройматериалы, за чем и был пойман с поличным. Его депортировали без права когда-либо посещать страны Шенгенской зоны.

Милиционеры представили себе эту привычную и даже приятную картину: Гулям-ака, стоящий возле кучи кирпичей, пересчитывающий купюры жирными пальцами, с довольной ухмылкой на лице и мечтами о новой иномарке.

– Да-а-а, не оправдал Гулям-ака ваших надежд, – вздохнул Абдулла-ака. Ему было стыдно за коллег, будто за дальних родственников, опозоривших весь род. Внутри что-то неприятно скреблось, словно мышь в мешке. – И что же теперь делать? Ведь сели в лужу, перед другими лицом в грязь упали...

– Хочу доверить это дело вам, дорогой Абдулла-ака, – твердым голосом сказал полковник.

Абдулла-ака от неожиданности вздрогнул.

– Боитесь, уважаемый? – заметил его замешательство Усербай-ака, прищурившись и внимательно всматриваясь в лицо подчиненного.

Но милиционер вскинул руку в некое подобии приветствия:

– Никак нет! Я всегда готов служить Главнокомандующему-фюреру и стране. Я ничего не боюсь и готов на все.

– Иного ответа я и не ожидал от вас, – удовлетворенно протирая руки, словно предвкушая удачную сделку, произнес начальник. – Мы разработаем операцию, все проведем тонко и четко, чтобы западные спецслужбы не заподозрили ни в чем. Мы учтем ошибки Гули-майорши и Гуляма-ака.

И они сели за разработку плана, который был тщательно оформлен на нескольких десятках листов, прошит суровой ниткой, скреплен печатями с двуглавыми орлами, полумесяцами и профилем Главнокомандующего-фюрера. Документ утверждали в МВД республики, потом согласовывали в Секретной канцелярии, потом еще раз перечитывали специальные люди в специальных кабинетах без окон, где всегда пахло пылью, страхом и холодным табаком.

Абдулла-ака получил «выездную визу» в паспорт, ему похлопотали и о въездной визе из одного европейского посольства, и очень скоро милиционер, переодевшись в гражданское – в тесные джинсы, клетчатую рубашку и куртку с рынка, – уже стоял в аэропорту с дешевым чемоданом в руке, изображая из себя бедного, но гордого правозащитника.

Он сел в самолет, держа курс на Западную Европу – туда, откуда, как считалось, исходила главная угроза пловно-дыннотной революции.

Приехав в столицу одной из европейских стран, Абдулла-ака поразился: улицы чистые, люди улыбаются, полицейские не берут взятку прямо на глазах, и это сразу вызвало у него стойкое подозрение. В центре города он нашел известный фонд, который финансировал гуманитарные программы в государствах третьего мира и когда-то имел представительство в республике милиционера.

Там Абдулла-ака важно представился правозащитником и потребовал денег на организацию пловно-дыннй революции.

– Чего-чего? – растерялось руководство.

– Как чего? Пловно-дыннй революции! Ведь вы раньше давали моим коллегам на это большие деньги – миллионы долларов! – разъяренно ответил Абдулла-ака.

Он решил, что перед ним сидят матерые шпионы, которые специально ничего не хотят говорить прямо, проверяют его, шупают, вынюхивают. Он даже внутренне приготовился, если что, схватить кого-нибудь за грудки и признаться под пытками.

Сидевшие за столом сотрудники фонда – аккуратные, чисто выбритые, в очках, с блокнотами и планшетами – переглянулись. Один из них вежливо спросил:

– Дайте нам пояснение, что такое пловно-дыннй революция? Мы впервые слышим этот термин. Что он означает?

Абдулла-ака чуть в ступор не вошел. Ведь что это такое знал в республике каждый: рядовой милиционер, налоговый, банкир, таможенник, чиновник. Все получали соответствующие установки сверху. Даже простые граждане слышали по телевизору и читали в местной прессе об этой страшной преступной деятельности.

А тут, на Западе, все прикидываются дурачками. «Может, это проверка?» – подумал разведчик-милиционер и начал объяснять, как умел:

– Это когда нас хотят оторвать от исторических и культурных корней, от предков, прежнего образа жизни и мышления. Сначала заменить наш национальный продукт – дыню – на банан или манго, сделать его единственно любимым в нашей республике, что ведет к зависимости от Африки. Потом взяться за плов: вместо баранины класть рыбу, вместо риса – какую-то крупу, вместо моркови – спаржу, вместо лука – кукурузу, а вместо масла – джин или виски. И чтобы люди позабыли традиционное блюдо и ели новое, сделанное по западным меркам.

Отказавшись от того, что было национальным достоянием, народ начнет поклоняться западным ценностям: слушать английскую музыку, носить французские платья, ездить на германских машинах, пользоваться итальянской косметикой, кушать американские гамбургеры.

А дальше – больше: люди захотят соблюдения прав человека, свобод, всего того, что написано в Конституции (ха-ха, вы же знаете, что не все написанное – закон), они перестанут верить Главнокомандующему-фюреру, потребуют смещения его с поста, демократических реформ и новой экономической политики. А этого ни сам глава государства не хочет, ни охраняющая его милиция...

Внимательно слушавшие милиционера сотрудники фонда еще раз переглянулись – быстро, почти незаметно, словно люди, которые одновременно поняли, что перед ними либо сумасшедший, либо гений, либо редкое сочетание первого и второго. На лицах у них промелькнули вежливые улыбки, профессиональная заинтересованность и легкая тень тревоги.

А потом самый главный из них, седой мужчина с аккуратной бородкой и дорогими часами, сказал:

– Мы поняли вас. К сожалению, денег на такую революцию у нас нет, не предусмотрено Уставом. Но мы можем дать вам адрес, куда вам следует пойти с этим проектом, и там вам помогут.

– О-о, да-да, дайте, пожалуйста, адрес, – обрадовался Абдулла-ака.

Сердце его радостно забилося: наконец-то он начал распутывать клубочек заговора. Еще немного – и он выйдет на главных организаторов, на мозговой центр пловно-дыннй революции, а там уже недалеко и до полного уничтожения врагов.

Руководитель фонда написал что-то на небольшой карточке и передал милиционеру. Абдулла-ака долго и серьезно разглядывал иностранные буквы, делая вид, что понимает каждое слово, потом горячо поблагодарил сотрудников, пообещал им проценты отката, если полу-

чит финансирование проекта. Те смущенно хмыкали, кивали и махали ручками, как машут детям, которых провожают в долгий путь.

Абдулла-ака отправился в новое учреждение и нашел его быстро. Перед ним возвышалось большое здание с табличкой Spital, а на стоянке стояли машины с красными крестами и надписью Ambulance. Туда-сюда бегали люди в белых халатах, кто-то шел с повязкой на голове, кто-то – с костылями, кто-то лежал на каталке под капельницей. В одних помещениях делали прививки, в других бинтовали раны, где-то измеряли давление, а где-то за стеклянной стеной резали людей на операционных столах.

– О-о-о, – догадался милиционер. – Я попал куда нужно. Здесь всех готовят в диверсанты для разных стран и тут дают задания и деньги на проекты.

У какой-то женщины в халате и кепке, с усталым лицом и темными кругами под глазами, сидевшей под вывеской «Reception», он спросил, где можно поговорить с главным.

Женщина устало ответила, что главный занят, но может принять дежурный сотрудник.

Абдулла-ака согласился и на встречу с этим доверенным лицом.

Дежурный был в зеленой форме, в марлевой повязке и в очках, а перчатки у него были в крови. Оказывается, он только что вышел из операционной.

Абдулла-ака проникся уважением: «Наверное, он пытал врага народа, узнавал его коварное задание. Совсем как у нас в РУВД...»

– Я вас слушаю, – сказал дежурный спокойным, уставшим голосом, глядя на милиционера поверх очков.

Абдулла-ака подробно, с воодушевлением и блеском в глазах рассказал ему о проекте организации пловно-дыннй революции в родной республике и необходимости выделения для этого серьезных денег. Он размахивал руками, чертил в воздухе стрелочки, рисовал воображаемые схемы подрывной деятельности, время от времени понижая голос, словно делился страшной государственной тайной.

Дежурный выслушал, кивнул и спокойно сказал:

– Это не совсем ко мне, я – хирург, но вас отправлю к психиатру, тот разберется. Не волнуйтесь. У нас решают и не такие проекты, – после чего нажал на кнопку срочного вызова.

Лампочка над дверью загорелась красным, тихо запищала, и Абдулле-ака показалось, что это тайный сигнал для прибытия особо доверенных агентов.

Через три секунды за ним пришли двое мускулистых сотрудников: широкоплечие, коротко стриженные, с каменными лицами и одинаковыми движениями, словно близнецы, выращенные в одном секретном инкубаторе. Они вежливо, но очень уверенно взяли милиционера под локти и повели по длинному коридору.

Привели его к другому человеку – сухощавому мужчине средних лет, в белом халате, с аккуратной бородкой и умными, изучающими глазами. Тот с удовольствием выслушал просьбу «правозащитника» из далекой страны, иногда поддакивая и делая пометки в блокноте.

– Мда, сложный случай, но мы возьмемся за это, – сказал человек в белом халате.

Он созвал консилиум таких же серьезных специалистов. Те долго кивали, перешептывались, смотрели на Абдулла-ака с научным интересом, как на редкое насекомое под микроскопом, и в итоге решили оставить его у себя, поместив в палату с другими революционерами, которые уже долгое время находятся в процессе подготовки к чему-то великому и таинственному.

– А со мной будут единомышленники? – радостно спросил Абдулла-ака. Он был уверен, что попал в самое логово, где готовят врагов его страны.

– Обязательно, – пообещала женщина в белом халате с мягкой улыбкой. – Там есть революционеры с северной страны – Ленин, Сталин, Троцкий, есть и из других стран – Мао Цзэдун, Ким Ир Сен, Фидель Кастро, Патрис Лумумба, Робеспьер, Робин Гуд, Рэмбо и другие.

Правозащитников там мало, но вы – первый из своей республики. Вы – ценный экземпляр для нас, для науки.

И Абдулла-ака теперь живет с братьями. Конечно, от них он многое узнал: и о глобальном потеплении как заговоре империалистических сил, и о банановых революциях, что свершаются в Африке по приказу Всемирного банка, и о тайной операции Всемирной организации здравоохранения по заражению нищих сифилисом, и о сговоре США с инопланетянами за власть на Марсе.

Короче, все эти отчеты милиционер исправно отправлял в РУВД, где довольный Усербай-ака читал их, радостно потирая руки, и передавал в МВД. А там за уши хватались от страха, бегали по кабинетам и срочно сочиняли новые указы об усилении правопорядка.

Говорят, что секретным приказом Абдулла-ака был награжден вторым собачьим орденом «За преданную службу».

Так что если вы нечто подобное прочитаете в газете или услышите по телевизору, знайте: часть этой информации была снята с шифровки разведчика, коим является патриот и мужественный человек – милиционер Абдулла-ака.

Честь и слава нашим людям на Западе, кто всегда думает об отечестве!

(10 марта.2007 года, Элгт)

Как Абдулла-ака переводил милицию на хозрасчет

В РУВД, где служил милиционер Абдулла-ака, всегда царил закон и справедливость – такие густые, что ими можно было намазывать хлеб. Закон стоял по углам, справедливость сидела в дежурке и курила, а между ними бесшумно скользила инструкция, толстая, как телефонный справочник, и такая же бесполезная. Поэтому граждане старались лишний раз не беспокоить своим присутствием сотрудников этого учреждения, не задавать им ненужные вопросы и тем более не попадать под их правосудие.

Зачем тревожить лишний раз закон, а также полицейскую справедливость, если они и без того нервные? Все стрелки, указывающие местонахождение милиции, жители игнорировали с редким единодушием, а дорога туда зарастала травой, лопухами и слухами. К их сожалению, сами милиционеры жителей не игнорировали: часто заходили без причин или с выдуманными причинами, которые по дороге считались законными, а на месте – неоспоримыми. Поэтому сюда добровольно приходили только стукачи, которым было что рассказать, и более высшее руководство, которому было что напомнить.

А руководство бывало тут по особо важным делам – обычно тогда, когда внизу начинали забывать, кто наверху.

Однажды в РУВД приехал министр. Это был человек округлый во всех смыслах: в словах, в жестах и особенно в лице, которое выражало уверенность, будто он лично изобрёл государство и теперь просто присматривает за ним. На нём был китель, увешанный наградами так плотно, что при ходьбе он звенел, как касса в удачный день.

Он в актовом зале – там и акты о задержании людей составляют в массовом порядке, и танцы устраивают – собрал всех милиционеров и сказал:

– У меня для вас две новости: одна – плохая, вторая – хорошая. С какой начать?

– С плохой! – произнёс от себя и за всех начальник РУВД Усербай-ака, человек с лицом вечного согласия и глазами вечного недоумения.

Министр вздохнул, развёл руками и заявил:

– Главнокомандующий-фюрер переводит всю милицию на хозяйственный расчёт, то есть на самофинансирование. В связи с этим вам урезается зарплата из государственного бюджета на 75%...

Зал вздохнул. Но не от ужаса и негодования. Этот вздох был рабочий, привычный, как вздох перед перекуром. Ибо на зарплате никто в милиции не жил, и о её существовании сотрудники вспоминали лишь в день полочки. Более того – они пропивали всю эту мелочь в тот же вечер, чтобы не путалась под ногами и не создавала иллюзий.

Они ждали более страшной вести. Например, что им запретят носить пистолеты, входить в любые учреждения без стука или варить заключённых в чае для профилактики признаний. Даже садисты-следователи на задних рядах слегка напряглись, но, не услышав ничего подобного, успокоились: им можно было и дальше работать творчески, с фантазией и огоньком.

– А хорошая? – спросила Гуля-майорша из паспортно-визового отдела.

Гуля-майорша была женщиной суровой красоты: причёска – как у памятника, взгляд – как у таможни, улыбка – по праздникам и только служебная. Она была известной героиней, боровшейся с оппозицией и журналистами простым и действенным способом – не выдавая им разрешение на выезд за границу. Именно там, по её глубокому убеждению, эти подонки встречались с подрывными силами, получали финансовые подачки и инструкции по организации пловно-дыннй революции в республике.

За свою бдительность Гуля-майорша не раз получала награды и похвалу от самого министра и даже от Главнокомандующего-фюрера, который однажды назвал её «железной женщиной с печатью в руке». Эту фразу она вышила на подушке и хранила дома.

– А хорошая заключается в том, – продолжил министр, – что наш вождь, наш отец, «человек, определивший эпоху», разрешил нам заняться коммерцией. Теперь любой из вас может взять в аренду на любой срок, хоть пожизненно, все радары, запрещающие знаки, приборы определения выхлопных газов и алкоголя. Вы можете дислоцироваться там, где хотите, брать штраф такой, какой вам кажется справедливый. То есть делать то, что может принести бабло в наш милицейский бюджет. Сами понимаете, что легализовано то, что вы раньше делали тайком!

Эта весть вызвала восторг у милиционеров. Восторг был громкий, липкий и искренний. Они орали, кидали фуражки и кепки в воздух, хлопали министру, отдавали честь портрету Главнокомандующего-фюрера, висевшему криво, но внушительно. Потом все построились, выпрямились и запели Полицейский гимн:

"Мы дубинкой машем смело —
С ней теплее жить в стране,
С ней порядок – наше дело,
И спокойней на спине.

Эх, дубинка – мать родная,
Кошелёк – отец родной!
Мы страну оберегаем
Твёрдой, верною рукой.

Мы штрафуем справедливо —
Как подскажет нам душа,
Чтоб в бюджете было живо,
И в семье – икра, не каша.

Пусть трепещут сограждане,
Видя наш суровый строй:
Мы не просто охраняем —
Мы управляем страной!"
Когда все успокоились, министр спросил:

– А где милиционер Абдулла-ака?

Сидевший в первых рядах Абдулла-ака вскочил, как пружина, и вскинул руку в полицейском экстазе:

– Гип-гип-ура нашему президенту!

– Гип-гип-ура! – ответил министр, удовлетворённо кивнув. – Значит так, уважаемый Абдулла-ака! Вам поручено, как опытному милиционеру, разработать план, как перевести РУВД на коммерческую сторону. Где можно иметь выгоду, как больше нашу работу из оперативно-следственной сделать торговой? Сможете?

– Яволь, мой министр! – обрадовался такому доверию Абдулла-ака. – Я выполню ваш приказ!

И Абдулла-ака с усердием приступил к выполнению задания. Он не спал много ночей. Точнее, он не спал правильно: днём дремал на службе, ночью бодрствовал в размышлениях. Его коллеги поддерживали его водкой – для расширения горизонтов мышления, самсой – для укрепления тела, женщинами – для вдохновения, и немножко анашой – исключительно для

философской глубины замысла. В такие ночи идеи рождались смелые, дерзкие и сразу в долларах.

И благодаря титаническому труду родился замечательный план, который потряс всю милицейскую систему своей гениальностью и простотой. Его тотчас утвердили в МВД, прошили красной нитью и засекретили. Но то, что он существует, можно было понять без всяких утечек – просто по тому, как с граждан начали взимать деньги: легко, системно и с чувством собственного достоинства.

Например, если гражданин хотел зарегистрировать у себя иностранного гостя, он должен был заплатить сотруднице в РУВД за то, что именно она заполнит бланк. Это называлось «услуги». Когда же гражданин пытался сделать это сам, начальник милиции заявление не принимал, морщился и говорил, что «почерк подозрительный», «формулировка не та» и вообще «так в Европе пишут, а у нас – иначе».

Деньги можно было платить и за ускорение получения «выездной визы»: с 21 дня до 7 или даже до 3 – если заплатить от 100 до 300 долларов. Срочность, как объясняли, была не технической, а моральной: чем выше сумма, тем сильнее сотрудник верил в благонадёжность выезжающего.

Следователи тоже не остались в накладе. Их работа наконец обрела чёткий прецедент, избавившись от ненужных угрызений совести:

- совершение убийства – от 5 тысяч долларов;
- изнасилование – от 2 тысяч;
- грабёж, разбой – от 1,5 тысяч;
- хищения – в зависимости от объёма похищенного, но не менее 4 тысяч.

Потом пошли таксы на арест и задержание. Не хочешь попасть в качестве арестованного или задержанного – 500 долларов, пожалуйста, отдай сотруднику милиции. Это называлось «профилактика». Если же попался патрульной службе без регистрации, то плати 50 долларов за каждый просроченный день – милиционеры любили считать дни вслух, загибая пальцы, чтобы гражданин лучше осознавал течение времени.

Если написал жалобу и хочешь, чтобы она быстрее попала к начальству, ставка была 60 долларов и выше – в зависимости от уровня жалобщика и цены вопроса в самой жалобе. Жалобы без оплаты долго лежали, отдыхали, жёлтели и со временем начинали сочувствовать ответчикам.

А ГАИшникам вообще открылось полное раздолье. Теперь они ставили знаки по своему усмотрению – даже у входа в туалет или в подземный переход. За превышение скорости, несоблюдение знаков и сигнала светофора штрафы увеличились в десять раз, чтобы водители сразу чувствовали серьёзность момента.

Появились и новые наказания:

- за неприветствие милиционера – 5 долларов;
- за плевок в его сторону – 50 долларов (с учётом траектории);
- за неподчинение сотруднику милиции – 100 долларов;
- за нежелание открывать дверь в дом участковому – 200 долларов, как за особо тяжёлое преступление против гостеприимства.

Фотографирование улицы или зданий без письменного разрешения РУВД оценивалось теперь строго – 100 долларов. Камера, как объясняли, могла украсть государственную тайну, даже если снимала кошку на фоне подъезда. Брать интервью у любого человека журналист имел право лишь при наличии квитанции об оплате за эту процедуру на счёт милиции: 600 долларов – с иностранного репортёра (за вредное влияние), 60 долларов – с местного (по дружбе).

За охрану свадеб, похорон, дней рождения в кафе, дискотек и кинопросмотров брали по-божески: 100 долларов за каждого милиционера за один час несения им службы. Милиционер при этом мог ничего не охранять, но обязан был присутствовать – с серьёзным лицом

и пустым стаканом. Проведение этих мероприятий без участия сотрудника РУВД каралось строго: штрафом в 2500 долларов или 20 годами ареста в подвале с воспитательными пытками и диетическим, но плохим питанием. Так государство заботилось о безопасности радости и горя.

Поэтому не удивляйтесь, что за всё жители должны платить милиции. Например, если человека нужно выпустить из тюрьмы по решению суда, то милиционеры не выведут его из камеры, пока родственники не оплатят эту услугу – 100 долларов. Решение суда, конечно, уважали, но без квитанции оно выглядело каким-то голым и неубедительным.

Передача продуктов и книг в тюрьму тоже была небесплатной – установлена такса в 10 долларов с каждого предмета. Толстые книги считались подозрительными и иногда шли как два предмета. Чтобы подсудимый или арестованный встретился с родными, нужно было заплатить надзирателям 70 долларов за 5 минут общения, при этом сначала накормить этих пузатых защитников закона на уровне 50 долларов за человека, а потом уже преступников – но не выше, чем на 20 долларов, чтобы не развращать.

Поэтому не удивляйтесь, что, подписывая новые законы «О защите частного бизнеса» или «О государственной поддержке коммерческих структур и гарантиях их инвестиций», Главнокомандующий-фюрер распространял их действие и на милицию. Ведь она теперь была коммерческой, прибыльной и социально ответственной. Милиция стала бизнесом с человеческим лицом – правда, лицом суровым и в фуражке.

И не следует возмущаться, если милиционер, останавливая прохожего, требует заплатить за отсутствие у него... книги Главнокомандующего-фюрера – 20 долларов. Это ещё мелочи. Незнание статей Уголовного или Налогового кодекса грозило любому гражданину штрафом в 75 долларов. Самым страшным преступлением считалось забыть дату рождения главы государства – штраф в 1000 долларов неминуем, с обязательным извинительным вздохом со стороны милиционера.

Так что милиция получила отличные возможности для своего интенсивного развития. Уже через месяц все сотрудники РУВД купили по пятой или седьмой машине, достроили трёхэтажные особняки, отправили детей отдыхать в Турцию, Грецию и на Мальдивы – для изучения международного опыта. Из-за границы милиция приобрела новые средства пыток и допроса, самые современные и модные: автоматизированные устройства, лазерные приборы, роботизированные манипуляторы и детекторы лжи с бодрящей электростимуляцией. Прогресс, как отмечали отчёты, наблюдался не только в доходах, но и в техническом перевооружении карательно-репрессивных органов.

Скоро об успехах плана демократического и экономического развития милиции трубили все газеты, радио- и телестудии. В восторженных сюжетах подчёркивалось, что в руках у милиции теперь не резиновые демократизаторы, а серьёзные железные дубинки с научным подходом – они помогали быстрее находить общий язык с человеком, который не проявлял уважения к носителю погон, кепки и пистолета.

Сам Главнокомандующий-фюрер одобрил идеи Абдуллы-ака и наградил его второй собачьей медалью «За верную службу, гаф-гаф». Милиционер был искренне рад такому вниманию со стороны лидера страны. Он пообещал расширить возможности оказания платных услуг народу, укрепить материально-техническую базу милиции и поднять её имидж среди населения и мировой общественности – желательно за предоплату.

Поэтому, когда видите милиционера, держите в карманах приличную сумму, желательно в инвалюте. Неизвестно, что именно вы нарушили, просто живя в этом государстве, но платить нужно. Так, на всякий случай.

Однажды система дала небольшой, но показательный сбой – в виде одного упрямого старичка.

Старичек был сухой, как прошлогодний инжир, ходил медленно, говорил тихо и носил бороду. Борода была старая, седая и, по мнению старичка, принадлежала ему по праву возраста и накопленного жизненного опыта. Но по мнению РУВД борода принадлежала государству и подлежала учёту, контролю и, при необходимости, штрафу.

Абдулла-ака остановил старичка на улице лично – без радаров, без знаков, просто по наитию.

– Почему борода? – строго спросил он, как будто борода была признанием.

– Потому что выросла, сынок, – ответил старичек честно. – Я с ней уже сорок лет живу.

Абдулла-ака нахмурился.

– Разрешение на ношение бороды есть?

– Какое ещё разрешение?

– Письменное. С печатью. И квитанция об оплате штрафа за повышенную волосатость лица – 30 долларов.

Старичек вздохнул и покачал головой.

– Денег нет. И бриться не буду. Это память...

Слово «память» Абдулле-ака не понравилось. Память вообще была подозрительным явлением: она мешала реформам.

– Отказываетесь выполнять законное требование сотрудника милиции?

– Я просто старый человек, – сказал старичек. – Отпустите меня домой.

Абдулла-ака посмотрел на бороду ещё раз – внимательно, профессионально. В бороде, если приглядеться, можно было найти что угодно: идеологию, экстремизм и даже угрозу государственности.

– Записываем как ваххабита, – спокойно сказал он дежурному. – Профилактика.

Старичка повели без спешки, но уверенно. Он не сопротивлялся – только всё повторял, что у него болят колени и что он всю жизнь платил налоги. Эти слова в протокол не вошли: в бланке для них не было графы.

В камере старичек сидел тихо, бороду не трогал и никого не агитировал. Через неделю родственники собрали деньги, оплатили «уточнение статуса», «ускорение пересмотра дела» и «гуманное отношение». Старичка выпустили – уже без бороды и с официальным предупреждением.

Абдулла-ака остался доволен. План работал. Закон торжествовал.

А борода... борода больше не нарушала общественный порядок.

Был и случай с иностранцем – показательный, почти учебный.

Иностранец оказался высоким, розовым и доверчивым. Его звали Джон, он приехал «посмотреть культуру», всё время улыбался и говорил по-английски даже тогда, когда молчание было бы безопаснее. Он вышел из гостиницы, посмотрел на улицу и вслух сказал:

– Oh, nice street!

Этого было достаточно.

Абдулла-ака материализовался рядом мгновенно, как штраф из ниоткуда.

– Что вы сейчас сказали? – строго спросил он.

– I said: nice street, – повторил Джон, стараясь быть вежливым.

Абдулла-ака нахмурился.

– На каком основании вы используете иностранный язык на территории суверенного государства?

– I... I'm a tourist?

Слово tourist милиционер услышал, а вот смысл – нет.

– Значит так, – сказал он официальным тоном. – Разговор на английском языке без перевода и без лицензии приравнивается к несанкционированному экспорту информации.

Джон испугался, но всё ещё улыбался – по привычке.

– Is there a problem, officer?

– Есть, – кивнул Абдулла-ака. – Налог на иностранную речь.

Они зашли в тень, где налог всегда платился быстрее.

– За каждое английское предложение – 20 долларов. С учётом акцента.

– I didn't know...

– Уже два предложения, – спокойно уточнил Абдулла-ака.

Джон полез в кошелек.

– Can I speak Russian?

– Можно, – разрешил милиционер. – Но если с ошибками – это уже издевательство над государственным языком. Тоже штраф.

В итоге оформили всё официально: налог за использование английского языка в устной форме, без субтитров и синхронного перевода – 200 долларов. Отдельно – 30 долларов за то, что улыбался без разрешения.

Джон расписался, поблагодарил и ушёл, стараясь больше не думать вслух. В гостинице он общался жестами, в ресторане показывал на меню пальцем, а когда звонил домой, делал это шёпотом под одеялом – на всякий случай.

Абдулла-ака позже внёс этот случай в отчёт как

«Успешное налогообложение иностранного речевого ресурса»

и предложил ввести абонементы:

– English daily,

– English premium,

– Silence – free, but suspicious.

Идею одобрили. Ведь план работал не только на граждан, но и на весь прогрессивный мир.

(27 ноября 2006 года, Фолкетвиль)

Литература милиционера Абдуллы-аки

Милиционер Абдулла-ака был талантливым в сыском деле. Не просто талантливым, а, можно сказать, одарённым от самой системы, будто его в младенчестве окунули не в святую воду, а в свежую типографскую краску уголовного кодекса и потом хорошенько обсушили над костром ведомственных инструкций. Он мог найти того, на кого указывало начальство, и даже обвинить его именно в том, в чём подозревало начальство, не добавив ни грамма лишнего и не убрав ни крошки сомнения. И это было бы трудно, почти невозможно, если бы сотрудники РУВД не умели грамотно составлять протоколы, проводить допросы, оформлять очные ставки, заполнять таблицы, рисовать схемы, подчищать подписи, править даты, терять неудобные бумаги и находить нужные. То есть делать всё то, что обязан знать и применять на практике настоящий сотрудник карательно-репрессивных органов.

Абдулла-ака владел этим ремеслом как скрипач владеет смычком. Его протоколы читались плавно, без рывков, признания выглядели искренними, как исповедь перед смертью, а показания свидетелей совпадали с точностью до запятой, словно их писала одна и та же рука в разные дни. Поэтому Абдулла-ака всегда был на хорошем счету, регулярно получал благодарности, почётные грамоты, ведомственные значки, а иногда и премии в конвертах без подписей. В коридорах РУВД его называли шёпотом: «мастер», «хирург», «великий компоновщик». Сам он относился к этому спокойно, без ложной скромности: знал себе цену и понимал, что таких, как он, рождается немного.

Однажды его вызвал начальник РУВД полковник Усербай-ака.

Нужно сказать, что Абдулла-ака никогда не заставлял себя долго ждать. Он знал, что в кабинете шефа его обычно ждут хорошие новости: новое дело, новая премия, новая возможность. Может быть, даже подарок – импортная ручка, кожаная папка, редкий коньяк или, в особо удачные дни, разрешение закрыть глаза на кое-какие вольности. Поэтому Абдулла-ака тщательно поправил фуражку, расправил китель, пригладил усы и пошёл бодрым шагом, как человек, идущий не на ковёр, а к праздничному столу.

Правда, на этот раз всё оказалось не совсем так.

– Зиг фюрер! – бодро рявкнул Усербай-ака в ответ на приветствие вошедшего и тут же, не вставая, потянулся к бутылке.

Он налил в две пиалушки по сто грамм водки – это была добрая традиция, священный ритуал, заменявший и рукопожатие, и молитву, и присягу. Водка была мутноватая, тёплая, с лёгким запахом ацетона, но считалась «правильной», проверенной, ведомственной.

Подняв тост за Главнокомандующего-фюрера и за скорую смерть его врагов, они чокнулись краешками пиал и без паузы осушили всю бутылку, словно это была одна общая чаша. Потом закусили куртом и горячей самсой – жирной, пахнущей луком и бараниной. Всё это только что привёз им один из руководителей отдела, небезызвестный подполковник Гулям-ака.

Гулям-ака был человек широкоплечий, с вечно потным лбом и маленькими хитрыми глазками. Он умел говорить шёпотом даже тогда, когда орал, и улыбаться так, будто одновременно извинялся и угрожал. Его специализация была проста: паспорта, визы, прописки, выезды, въезды, штампы, печати, утраты, восстановления и внезапные находки. В народе его называли «министром бумаг».

Впрочем, отдав завтрак начальству, он сразу убежал делать свои делишки с паспортами. Кому-то нужно было выправить документ за определённую мзду, кому-то – не поставить выездную визу по негласному указу МВД, а кому-то, разумеется не бесплатно, оформить прописку там, где её быть не должно. Усербай-ака его не держал, прекрасно понимая: время – деньги. А деньги – это полицейский бизнес, основа стабильности и внутреннего спокойствия.

– Значит, так, Абдулла-ака, – начал полковник, откинувшись в кресле и хлопая себя по пузу, которое подрагивало, как студень на блюде. – Министр Алмат-ака считает вас одним из лучших милиционеров республики.

Абдулла-ака слегка склонил голову, принимая комплимент, как заслуженную медаль.

– Он с удовольствием читает уголовные дела, которые вы фабрикуете... – полковник сделал ударение на слове «фабрикуете», будто речь шла о конфетах или тракторах. – На диссидентов, оппозицию, независимых журналистов и прочих общественных деятелей. В них всё есть – и признания, и доказательства, и мотивы, и даже раскаяние.

Полковник вздохнул.

– Однако, как сказал министр, отсутствует лирика. Поэзия отсутствует. Нет чувств, нет эмоций. Иногда скучно читать этот канцелярский текст. Нужно всё описывать как в детективах – захватывающе, интригуяюще, динамично. Ясно?

– Вообще-то ясно, – пожал плечами Абдулла-ака. – Только я этому не обучен. Я же вначале работал могильщиком, потом заочно закончил кулинарный институт, факультет мясопереработки. С литературой дела не имел. Откуда мне взять писательский талант?

– Вот именно на это и указал любимый наш министр! – поднял палец Усербай-ака. – Поэтому вас, как и некоторых других талантливых сотрудников, направляют на повышение квалификации в Центр литературного искусства. Там вас обучат всем жанрам, потом дадут писательский диплом. С ним вам откроются все двери в МВД и даже... – полковник наклонился вперёд и прошептал: – в Аппарат Главнокомандующего-фюрера. Усекаете?

Кто от такого откажется? Конечно, Абдулла-ака согласился.

На следующий день он пришёл в этот самый Центр.

Здание выглядело странно: старый Дом культуры с облупленной лепниной, но над входом висела новая вывеска с золотыми буквами и гербом. Внутри пахло пылью, кофе и страхом. Коридоры были уставлены портретами классиков: рядом с Пушкиным висел неизвестный генерал, рядом с Толстым – улыбающийся министр.

В классе набралось двадцать офицеров милиции. Многих Абдулла-ака знал – не одного врага вместе скрутили в бараний рог, не одну судьбу совместно переписали.

Были приветствия, поцелуи, похлопывания по спине и даже ласковые пинки по заду – такова уж добрая традиция в милиции. Конечно, пинали старшие по званию младших, чтобы те не забывали своё место.

Получилось так, что сапог Абдуллы-ака отметился на штанинах каждого сотрудника. И это сразу стало ясно всем: здесь он самый-самый главный. Не по званию – по опыту, по количеству сломанных жизней и аккуратно подшитых дел.

Абдулла-ака встал посреди класса, осмотрел присутствующих и впервые в жизни почувствовал лёгкое волнение. Перед ним открывалась новая вершина – вершина художественного террора.

В этот момент в класс вошла женщина интеллигентного вида. Высокая, худощавая, с прямой осанкой, в строгом сером костюме, который сидел на ней как броня из вежливости и воспитанности. Светлые волосы были аккуратно собраны в пучок, на носу – тонкие очки в металлической оправе, а в руках – папка с тетрадями и учебниками, будто щит от окружающей реальности. Лицо её выражало усталую доброжелательность человека, который всю жизнь верил в силу слова и до последнего надеялся, что слово всё ещё кому-то нужно.

Сначала она с недоумением смотрела на эти игры, на пинки, хохот, тычки локтями и сапоги, гуляющие по чужим штанинам, словно по полю боя. Потом нерешительно закашляла, стараясь привлечь к себе внимание.

Безусловно, все её оценили. Но исключительно с физиологической стороны. В глазах милиционеров она мгновенно перестала быть носителем разума, культуры и профессии, превратившись в набор форм, изгибов и потенциальных фантазий. Умственные и моральные сто-

роны человека никогда не интересовали милиционеров – эти параметры отсутствовали в их служебных инструкциях.

– Кхе, кхе... Я извиняюсь, что помешала вам, – сказала женщина. – Меня зовут Алла-опа. Я буду учить вас литературе, в основном умению писать художественные произведения. Я понимаю, что у вас несколько иная специализация, но, возможно, наша профессия и вам будет полезной.

Она начала объяснять им грамматику и стилистику, осторожно, как врач сообщает пациенту неприятный диагноз. Говорила о структуре предложения, о роли слова, о красоте фразы, о том, что текст должен дышать, жить, иметь ритм и внутреннюю логику.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.